

Евгений Лавренчук черпает вдохновение в самых банальных вещах

В октябре состоялись первые гастроли Польского Театра. Маршрут пролегал через славный город Львов до Жешовского театрального фестиваля, куда съехались полонийные театры со всего мира.

- Евгений, хотелось бы узнать ваше мнение о современной ситуации в театральном мире.

- Можно по-разному смотреть на вещи. Мне кажется, что сегодня всё разрешено, по-видимому, так движется мода. Я же считаю важным снова начать проводить границы. Я думаю, в театре сейчас можно наблюдать довольно печальные тенденции. Проведу прямые параллели с музыкой. Аудитория настолько лишена всякого вдохновения, что никто не планирует новую театральную революцию. Я повторяю: причина, почему в театре за последние пятьдесят лет не произошло ничего интересного, как раз та, что люди, которые приходят в театр и покупают билеты, лишены вдохновения. В 70-х, если ты продавал 60 тысяч

грампластинок, ты был значительным музыкантом. Сегодня, если ты продашь 250 тысяч, ты по-прежнему никто, третьестепенная фигура.

Я думаю, что зрители кастрировали развитие искусства. Массы не интересуются тем, что могло бы быть, они интересуются исследованием того, что уже было.

- Но хоть что-то же есть?

- Я не верю, что то, что имеет массовое распространение, может быть хорошим. Здесь я стою на точке зрения элитизма. То же самое верно и для искусства, искусство должно быть глубоким и насыщенным, искусство не может быть для всех, выражение «популярное искусство» лишено смысла. Я художник, и искусство обращается к таким людям как я - к интересным, многослойным людям. Искусство должно быть радикальным, оно должно раздражать как можно больше народу. А его должны делать люди, которые по-настоящему глубоки и содержательны, которые влияют на остальных и оставляют после себя след... Такие люди мыслят категориями, находящимися за пределами популярных идей.

- У вас есть муза?

- Я черпаю свое вдохновение во многих, порой самых банальных вещах.

- В октябре состоялись первые гастроли возглавляемого Вами Польского Театра. Как Вы можете их оценить?

- Неплохо. Неплохо. Но, честно скажу, это все-таки был не совсем наш зритель. Многие же воспринимают театр, как нечто такое чисто развлекательное...

- Как Вы думаете, зрители всегда понимают, о чем Ваши спектакли?

- Это не имеет никакого значения! Я думаю, проходит время, и если в сердце человека остаётся укол от спектакля, тогда, возвращаясь к нему, он включает мыслительный аппарат. Вот это самое ценное, потому что умение эмоционально мыслить имеет колоссальное значение: оно воспитывает людей в наш век, когда чувство отодвинуто и мы превращаемся в автоматы, которые, сталкиваясь боковинами, издают железный скрежет. Вот этот звук самый страшный. А нас во всём мире объединяет совсем другой, музыкальный звук. И когда зрители аплодируют в конце, они аплодируют не артистам - они аплодируют себе. Потому что происходит раскрепощение от зажатости, от страха, от того кошмара и хаоса, в котором мы находимся. И тогда люди на какой-то миг счастливы. От того, что всё равно остаются людьми. Я не устаю повторять, что мы научились перелетать через континенты, разговаривать на каком-то невероятном расстоянии, а самое простое - выйти на лестничную клетку, постучать к соседу и сказать: "Доброе утро! Я вас люблю".

- А он покрутит пальцем у виска.

- Вначале. А потом к этому привыкнет и постучит в следующую дверь. И уже будут трое сумасшедших. А из сумасшедших и состоит мир, потому что на всех перекрёстках мира стоят эти люди. И пусть полёт считается чем-то уродливым и безумным, а крылья признаком падения, такова уж наша эпоха, всё равно буду неустанно твердить: мир определяют люди, которым дан полёт. Люди крыльев! И не поверить в это было бы величайшей трагедией наших с вами дней.

- Но как поверить?

- Человек один приходит в этот мир и один уходит. Просто есть дата рождения и дата смерти, но там ещё - чёрточка. Эта чёрточка и есть та натянутая проволока, на которой мы играем, иногда

Спектакль «Снег» реж. - Е.Лавренчук

срываясь в пропасть, иногда удерживаясь. Иногда это весёлый танец, иногда это танец смерти, но вот эта чёрточка всё определяет. Это начало той земли, откуда ты пришёл, и конец той земли, куда уйдёшь. А между - ты имеешь право, в свободе, в личном своём начале, на этой проволочке эквилибрировать, как хочешь. Это единственное твоё право в этом мире.

- Спустимся с небес на землю. Каких актеров предпочитает режиссер Лавренчук?

- Не нужно ничего ставить под сомнение. И ум пылливый не нужен. Меня нисколько не раздражают глупцы, пока они молчат, я обожаю. Тех артистов, которые ни о чем не спрашивают. Те же, которые задают 121 вопрос и до всего доходят умом - беспомощны на сцене. Вы забыли, что именно из-за своей тяги к знаниям человек был выброшен из рая? Да, знание - сила, но еще Ницше открыл, что знание - это уже власть. Актеры – ведь тоже зрители. И их нужно убедить в своей идее, чтобы они ее почувствовали, чтобы они дальше сами стали переживать ее, а не переживали бы ее за своих героев. Задача актеров состоит в том, чтобы символическую абстрактность образа совместить с его реальным бытованием - физиологическим и социальным.

- Поэтому ваши спектакли нарочито деполитизированы, я попытаюсь даже выговорить слово: "деидеологизированы". Своей вневременностью вы оказались идущим в ногу со временем. В этом я вижу еще один парадокс Лавренчука. Кругом происходит черт знает что – а у вас на сцене в это время решаются проблемы, которые, извините, не имеют ничего общего с нашей действительностью. Почему ваши герои не "занимаются делом"?

- У меня категорическая установка на вечность. Общество со своей системой, своим институтом государства как бы уничтожает твоё "я", личность человека. Нужно всегда жить, как в окопе, принеся в него свое оружие для защиты. Во все страшные времена я спасался именно в таком окопе. Иногда выглядывал, иногда отстреливался, но всегда возвращался в свой окоп. То, с чем человек отправляется в этот мир - свобода и вера, - уберечь это можно только в своем окопе. Так вот, живя в таких условиях, спастись можно тем, что смотришь вверх на звезды. Тогда появляется ощущение Вечности. Тогда театр становится для тебя спасением. Не средством тщеславия, заработка, карьеры, а местом, где ты можешь молиться, где ты можешь на сцене - в своем воображении осуществить идеалы любви, красоты, добра, все, что тебе не удалось сделать в жизни, все, что не удалось у тебя за всю твою жизнь. На сцене можно реализовать то, что недостижимо в любви и жизни, то, чего не может быть, то, что можно реализовать только в твоём воображении, во сне... Извините, я побежал!

- Большое спасибо, Евгений!

– Не за что!

А.Ж., «Театр», май 2003